

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
КРИТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Июнь 1990

ОСНОВАН В АПРЕЛЕ 1957 ГОДА

Орган Союза писателей СССР
и Института мировой литературы им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Содержание

XX ВЕК: ИСКУССТВО. КУЛЬТУРА. ЖИЗНЬ

- 3 А. ТУРСУНОВ. «Яви свой новый лик святой!..» (Национальная культура в общечеловеческой перспективе)
- 36 Е. СЕРГЕЕВ — С. ШВЕДОВ. Масскультура: наша, домашняя, современная
- 57 В. ПЕРЕЛЬМУТЕР. Живущий на маяке (Над архивом Георгия Шенгели)

ТЕОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Текст и прочтение

- 85 Ф. Р. ДЖЕЙМСОН. Теория в новой ситуации
- 90 М. КРИГЕР. Контридеологическая традиция в западной теории
- 97 С. ЛОМИНАДЗЕ. У них и у нас

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- 104 П. БАСИНСКИЙ. Трагедия понимания («Музыка революции» и судьба интеллигенции в творчестве А. Блока)
- 127 В. АВЕТИСЯН. Гёте и Данте

Возвращение

М. ЧУДАКОВА

РУССКИЙ САТИРИК МИХАИЛ КОЗЫРЕВ

В начале 1922 года редакция новообразованного петроградского литературного альманаха «Утренники» задумала печатать свою «портретную галерею» под названием «Молодая Россия». Ее составитель (он же и редактор альманаха) обещал давать «портреты не только вождей «Молодой России», но и тех, кто выделяется из общего строя, лишь обещая стать сам по себе и повести за собой других». Составитель пояснял, что, «помещая портрет «достойного», стремятся «создать около него атмосферу общественного внимания — правда, таящего для «молодых» известную опасность, но истинным дарованиям не страшны опасности, в том числе и опасность «успеха»; составляя эту галерею, надеялись «найти и узнать тайники создания Молодой России — и по ее звездам составить для нее гороскоп» («Утренники», кн. II, Пг., 1922, с. 118).

Материалом для этого гороскопа послужил и М. Я. Козырев, портрет которого был напечатан одним из первых. «Смеяться мы не умеем. Несколько комедий — Грибоедова, Гоголя, Островского, Сухова-Кобылина, комедий, в которых сквозь видимый смех слышатся невидимые слезы! И почти единственный мрачный сатирик Щедрин.

Нет, нам не до смеха.

Вероятно, поэтому автор маленькой книжечки «Морока» М. Козырев сразу привлек внимание. Пусть в его смехе есть многое от Щедрина — чисто щедринская вещь, например, его «Крокодил — три дня из жизни Красного Прищеповска», вещь, которую мы, к сожалению, лишены возможности напечатать.

Как и другие молодые писатели, он поражает знанием Рос-

сии, но от них он отличается тем, что все видит в другом свете.

Все фигуры озарены у него словно вспышкой магния. Получается необыкновенная отчетливость рисунка. А души нет. Словно марионетки. Но ведь — он сатирик! А психология — опасная дорога. Каждому оправдание найдет.

Большой сатирик таится в Козыреве, и как беззубы, плоски по сравнению с ним старые и новые Сатириконы, Пулеметы и Мухоморы...»¹

Так автору первой и единственной к тому моменту книжки было предсказано критикой будущее большого сатирика.

В том же альманахе помещена была и автобиография молодого писателя, начинавшаяся нетривиальными и серьезными словами: «Очень трудно написать биографию даже свою, когда нет самого главного — смерти. Получается незаконченный отрывок и притом неинтересной повести. Моя повесть начинается просто: родился в 1892 году в Лихославле, неподалеку от Твери. Детство провел там же — собирал грибы, ягоды, играл в рюхи и катался на «пустышках». Читать научился сам, без посторонней помощи, и лет с четырех читал все, что попадалось под руки. Писать начал уже в Твери, где учился в реальном. Потом — Петербург. Петербург считаю родным городом...» («Утренники», кн. II, с. 120).

Через два года в автобиографии, опубликованной в сборнике биографий писателей под редакцией В. Г. Лидина, он уточнит детали: дату рождения — 15 октября 1892 года, образование — «высшее — в Петроградском Политехническом Институте (экономическое отделение). По специальности работать не пришлось.

Писать начал с детства — сначала стихи, потом рассказы. Первый раз стихи напечатаны в 1909 г. в тверской газете. С 1914—15 г. начал печататься в петроградских «толстых» журналах, тоже выступал со стихами.

Рассказы печатаю с 1915 г., но окончательно перешел на прозу с 1921 г., когда был написан первый послереволюционный рассказ «Крокодил», не подлежащий пока оглашению в печати, и два рассказа, вошедшие в книжку «настоящих рассказов» «Морока»².

То, что в обеих автобиографиях ни слова не сказано о родителях, должно, кажется, по тем временам свидетельствовать в пользу дворянского или, по крайности, купеческого происхождения.

В Петербурге он женился на курсистке Высших женских курсов; его жена Олимпиада Владимировна была родом из

¹ Журнал «Пулемет» под ред. Н. Шебуева издавался в Петрограде в 1917—1918 годы, «Мухомор» («Иллюстрированное сатирическое издание») — там же в 1922—1928 годы.

² Цит. по кн.: «Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков». Под ред. Вл. Лидина, М., 1928, с. 182.

Мелитополя, из купеческой семьи; она тоже писала стихи (первый сборник вышел в 1913 году) и печаталась под псевдонимом Ады Владимировой.

«Стихи мои, — писал Козырев в «Утренниках», — были в свое время отмечены В. П. Бурениным как образчик явной бессмыслицы. Дальше — революция, советская служба, кочевье. Ездил, как и все, за мукой, за картошкой, за лучшей жизнью... Жил в Москве, Харькове, Одессе, и опять в Харькове, и опять в Москве. Занимался, чем попало: был бухгалтером, работал в газетах, читал лекции по теории поэзии, заведовал типографией» («Утренники», кн. II, с. 120).

О жизни его в годы гражданской войны мы можем судить главным образом по тем документам, которые сам же он и сохранил и привез в Москву. Сохранял же Козырев, как и другие литераторы его поколения, главным образом то, что могло облегчить, а не затруднить его жизнь в послереволюционной России. Удостоверение, выданное в Одессе 26 февраля 1920 года (то есть две недели спустя после вступления в город красных), — в том, что он служит бухгалтером в кооперативном товариществе. Удостоверение, выданное 16 марта 1920 года, свидетельствует о том, что он работал в подотделе искусств Одесского Губнаробраза в качестве заведующего лабораторной секцией с 16 июня по 20 августа 1919 года; Советская власть в Одессе держалась с 5 апреля по 25 августа 1918 года. Что делал Козырев в промежутках?.. 16 мая 1920 года он уже — лектор литературной студии при красноармейском клубе «Грядущее» (удостоверение выдано политотделом Военно-революционного совета Юго-Западного фронта), 20 июня 1920-го он уже заведует редакцией литературного приложения к газете «Пролетарий». Это значит, что летом 1920 года он — в Харькове и оттуда 19 июля «действительно командирован в Москву по делам Укрроста» (Всеукраинского бюро Российского телеграфного агентства Роста).

16 октября 1920 года подотдел личного состава управления делами Наркомпроса удостоверяет, что М. Козырев состоит в отделе литератур в эфемерной, по-видимому, должности заведующего московской секцией и секцией работы в деревне...³ Это означает, во всяком случае, что с осени 1920 года Козырев стал москвичом.

Первое время он еще печатается в петроградских изданиях — стихотворение в альманахе «Дом искусств» (Пб., 1922, № 2), рассказ «Прыгунки» в «Утренниках» (кн. II). В этом рассказе, варьируя мотивы финала гоголевской «Шинели», Козырев вводил — один из первых — тему непомерной роли документа в послереволюционном существовании его соотечественников.

---

³ Все упоминаемые документы хранятся в Отделе рукописей Литературного музея (ф. 284, оп. 1, ед. хр. 10).

Но он быстро входит в литературную среду новой столицы, приобретает известность в московских писательских кружках. В начале 1922 года он читает рассказ в «Литературном звене», заседавшем обычно под председательством В. Львова-Рогачевского в Доме Герцена, где располагался в 20-е годы Всероссийский союз писателей, где во флигелях дома жили поэты и беллетристы разных поколений.

30 апреля 1922 года в газете «Правда» прозу Козырева отметит Н. Осинский («Побеги травы. Заметки читателя. I. Новая литература: Проза»). 4 ноября того же года внимательный наблюдатель жизни литературной Москвы, критик и литературовед И. Н. Розанов запишет в своем (неопубликованном) дневнике: «Вечером в Союзе писателей <...>. Познакомился с Адой Владимировой» — значит, виделся и с Козыревым. Еще ранее Козырев сблизился с одним из наиболее известных московских литературных кружков (сами участники именовали его «обществом») — «Никитинскими субботниками». 14 октября 1920 года он читает там свой рассказ «Поручик Журавлев», а 30 декабря присутствует на первом авторском чтении Булгакова на «субботниках» — автор читает «Записки на манжетах» (ропись Козырева — в листе росписей присутствовавших). 18 января 1923 года Козырев делает в «Литературном звене» доклад о поэзии — вместе с П. Орешиним и Г. Шенгели (дневник И. Н. Розанова).

А 20 января 1923 года в «Литературном приложении» к газете «Накануне» (издававшейся в Берлине, но субсидировавшейся из Москвы и нацеленной на агитацию за возвращение эмигрантов в Советскую Россию) появилось сообщение о том, что тринадцать писателей «пишут коллективный роман. Написано 12 глав. Изображена борьба советских войск с гайдамаками, отступление белых и пр.». Все тринадцать перечислены: «Н. Ашукин, М. Булгаков, Ефим Зозуля, М. Козырев, В. Лидин, К. Левин, Борис Пильняк, Анд. Соболев, Ю. Соболев, Юрий Слезкин, Дм. Стоков, А. Яковлев и А. Эфрос». Один из участников, Юрий Соболев, сообщал подробности («Эхо», № 6, датированный 1 февраля 1923 года): «Роман динамичен, интрига его занимательна, современность и революция отражены ярко и глубоко. Уже наметились главные герои, уже успело действие романа из Украины перекинуться в Москву. Уже прошли картины гражданской войны на юге и встает перед нами Москва 1920 года...»

В каком же кругу оказался Козырев? Это была, можно сказать, «головка» тогдашнего Всероссийского союза писателей: летом 1922 года А. Эфрос был избран секретарем, а Н. Ашукин и А. Соболев — товарищами секретаря, а 6 октября в члены правления, как сообщала издававшаяся в Берлине «Новая русская книга», «вместо уехавшего Б. К. Зайцева и выселенных Ю. И. Айхенвальда, Н. А. Бердяева и М. А. Осоргина избраны были В. В. Вересаев, А. И. Окулов, Б. А. Пиль-

няк, Ю. В. Соболев»⁴ — то есть еще двое из участников «коллективного романа».

Иными словами, это был слой «непролетарской», «некоммунистической», искавшей — все более судорожно — пути более или менее независимого творчества беллетристики.

27 января 1923 года Козырев читает на «Никитинских субботниках» рассказ «Крокодил» (упоминание об этом чтении — в «Свистке», 1924, кн. 3, с. 227). Сохранившаяся авторская машинопись этого рассказа датирована 1921 годом. Она позволяет предположить, что этот рассказ оказал влияние на Булгакова — прежде всего на замысел повести «Роковые яйца». Но влияние это, возможно, было и более глубинным — и откликнулось много лет спустя в эпилоге «Мастера и Маргариты».

В 1923 году, вскоре после выхода первой книги («Морока. Настоящие рассказы», М., 1922), Козырев займет прочное место сразу в нескольких новообразующихся московских альманахах — в первых же выпусках (некоторые из этих сборников, впрочем, дальше одного выпуска так и не двинулись). Это «Современники», «Недра», «Веселый альманах», «Деревенские были», это второй выпуск «Возрождения» (где печатались и «Записки на манжетах» М. Булгакова).

Общий источник многих беллетристов начала 20-х годов — Гоголь — очевиден в лучших, пожалуй, рассказах М. Козырева того времени — «Мертвое тело» (в альманахе «Современники») и «Повесть о том, как с Андреем Петровичем ничего не случилось» (в альманахе «Возрождение», т. 2).

Он читает свои сочинения на «Никитинских субботниках» — 8 декабря 1923 года, 9 февраля 1924 года. 19 января 1924 года протокол заседания зафиксировал, что общее собрание утвердило Козырева секретарем общества; его имя и почерк постоянно будут появляться в протоколах «субботников».

Петр Никанорович Зайцев, поэт и издательский работник, расскажет впоследствии в своих воспоминаниях, как в начале 20-х годов «сделал попытку организовать небольшой кружок писателей-фантазеров, «фантастических» писателей. М. А. Булгаков, С. С. Заяицкий, М. Я. Козырев, Л. М. Леонов и Виктор Мозалевский должны были войти в основную группу, с расчетом на расширение в дальнейшем кружка»; собирались «иногда у меня, в Староконюшенном, иногда у Леонова или Козырева, один-два раза у С. С. Заяицкого». На одном из заседаний «Булгаков сделал краткое сообщение, что его вызывали, говорили, что кружок привлекает к себе внимание, и сказали, что кружок необходимо закрыть... Одно из последних заседаний происходило у Л. М. Леонова». Он читал только что написанные «Записки Ковякина» (речь идет, таким образом, скорей всего о зиме 1923—1924 годов). Память П. Зайцева сохранила и забавные подробности — малые штрихи и к картине тогдашнего городского быта, и к столь малоизвестной биографии М. Козы-

⁴ «Новая русская книга», 1922, № 11—12, с. 33.

рева: «Что же получилось на этом чтении? Милая дама, жена Козырева, поэтесса Ада Владимирова, уже в начале одиннадцатого вечера начала беспокойно ерзать на стуле и дергать своего «Мишу» громким шепотом: «Миша, едем, трамвай уйдет!» Леонов продолжал читать, но громкий шепот Ады его очень раздражал. Нетерпеливая, беспокойная дама таки увлекла своего мужа, просто прервав чтение... С грехом пополам досидели мы до 12 часов... Вечер был испорчен и Леонову, и всем присутствующим. Булгаков и Леонов пеняли мне потом, зачем я привлек дам в наш кружок?...»⁵

Подталкиваемый набиравшим силу «социальным заказом», М. Козырев пишет детективное повествование о революции в одной из западных стран («Неуловимый враг. Американский роман»). Это была своеобразная политическая утопия или сатирический памфлет — жанр, бурно развивавшийся в течение нескольких послереволюционных лет: «Трест Д.Е.» И. Эренбурга (1923), «Крушение республики Итль» Б. Лавренева (1925), «Иприт» Вс. Иванова и В. Шкловского (1925) и многие другие. Как и эти сочинения, роман Козырева (вышедший в 1923 году почти одновременно в 1-й книжке «Недр» и отдельным изданием в Харькове) был не только данью политической ситуации, но и ответом на запрос читательского рынка (представлявшего в те годы еще вполне реальную, учитываемую и писателями, и издателями величину). Запрос этот в начале 1924 года отчетливо сформулировал Б. Эйхенбаум: «Явилась тяга к чужому, хотя бы и в совершенно фантастическом воплощении. Нужно, чтобы звучало иностранно, чтобы было иное и странное. Какой-нибудь мистер Бобеш или мистер Ундергем (М. Козырев — «Неуловимый враг») оказывается более интересным материалом для русского беллетриста, чем русские Ивановы и Петровы, которые либо ищут службы, либо торгуют червонцами, — больше с них ничего не возьмешь»⁶.

Но главным для таланта Михаила Козырева стал все-таки сатирический взгляд на отечественную современность. Его сборники выходят в дешевых серийных изданиях библиотек сатиры и юмора под характерными названиями («Инвалид Чуфыркин», М. — Л., 1926; «Гражданин Репкин», М., 1926; «Чорт в Ошпыркове», М. — Л., 1926; «Фома Неверующий», М. — Л., 1927). В одном из руководств по изучению «новейшей русской литературы» Козырев помещен в раздел «Юмор и сатира в современной прозе»⁷.

Кто из современников знал то его сочинение, в котором

⁵ Цит. по кн.: М. Чудак ова, Жизнеописание Михаила Булгакова, М., 1988, с. 227—228.

⁶ «О Шатобриане, о червонцах и русской литературе». — В кн.: Б. Эйхенбаум, О литературе, М., 1987, с. 368.

⁷ А. И. Белецкий, Н. Л. Бродский, Л. П. Гроссман, И. Н. Кубиков, В. Л. Львов-Рогачевский, Новейшая русская литература. Критика — театр — методология. Темы. Библиография. Иваново-Вознесенск, 1927, с. 188.

наиболее полно выразился печальный взгляд сатирика на будущее страны? Читал ли он его в кружках или давал почитать друзьям?

В 1987-м, просматривая архивный фонд М. Козырева, образовавшийся из материалов, накопленных в течение ряда лет «Никитинскими субботниками», я увидела тетрадь школьного формата, только более толстую, с машинописным текстом (с авторскими рукописными поправками) романа «Ленинград»⁸. Это был совсем иной Козырев, чем известный по его публикациям (впрочем — кому «известный»? Сегодня — разве что нескольким сотням, а то и десяткам его престарелых знакомцев или читателей да не больше чем десятку литературоведов). Роман, датированный октябрём 1925 года, рисовал уже не оптимистическую картину победы революции в западной стране, как всего два года назад в романе «Неуловимый враг», а беспросветную картину последствий победившей российской революции.

Продолжая традицию политической антиутопии, столь фундаментально заложенную в отечественной литературе романом Замятина «Мы»⁹, и предвосхищая написанные спустя несколько лет романы Платонова «Чевенгур» и «Котлован», Козырев давал прогноз общественно-политического развития своей страны на двадцать пять лет, и прогноз этот поразит современного читателя своей мрачной достоверностью.

Уже в 1925 году Козырев сумел увидеть, насколько чужеродными окажутся вскоре в стране «победившего социализма» какие-либо революционные идеалы. Феномен «старого большевика», оказавшегося среди большевиков молодых, проанализирован им с детальной убедительностью.

«Общее окаменение государственного строя», политграмота, превращенная в катехизис, портреты вождей, ставшие иконами, и собрания, имеющие характер богослужения, — все это было предсказано с большой точностью — оказалось, не только на 1950 год, но на тридцать пять последующих лет. Его интересовало не будущее человеческих эмоций (едва ли не главное для автора пьесы «Клоп»), а именно социальная структура. С определенностью, пожалуй, близкой к позиции автора писавшейся в тот же год повести «Собачье сердце», Козырев выска-

---

⁸ Впервые о романе — в нашей статье «Без гнева и пристрастия. Формы и деформации в литературном процессе 20—30-х годов» («Новый мир», 1988, № 9, с. 253—254).

⁹ В 1922 году был написан также роман Ф. Н. Ильина «Долина новой жизни» (издан в 1928 году под псевдонимом Тео Эли), где показано, как машинное образование и машинное мышление приводят «к тому, что в стране нет талантов, самостоятельных деятелей, все только исполняют волю главы государства, «все думают, как он хочет, и все делают, что он пожелает» (см. обзор зарубежных работ «Социальное воображение в советской научной фантастике 20-х годов», составленный Б. В. Дубиным и А. И. Рейтблатом, — «Социокультурные утопии XX века», вып. 6, М., 1988, с. 42—43).

зался о губительной для общества политике власти по отношению к интеллигенции. Близки к словам булгаковского профессора Преображенского и высказывания автора «Ленинграда» о том, что «раз они работают, значит, они трудящиеся, а не буржуи», вскрывавшие, в сущности, обманное использование библейской прописи, сделанной лозунгом: «Кто не работает, тот не ест».

Исключительный интерес представляет его разработка представления о новой «аристократии», сформировавшейся из детей рабочих, получивших социальные привилегии, — беллетрист опередил мысль будущих социологов и экономистов, разработавших в 60-е годы социально-экономическое представление о «новом классе» в странах, назвавших себя социалистическими.

Роман остался в рукописи. Козырев продолжал печататься (в том числе под псевдонимами — Матвей Кредит, Фома Большой); с 1926 года он стал секретарем издания, называвшего себя «веселым и ядовитым крестьянским журналом «Лапоть», и публиковал свои юморески в издававшихся при журнале дешевых библиотеках.

К концу 20-х годов его проза все больше и больше начинает подчиняться воздействию зощенковской. В сборнике юмористических рассказов «Запрещенные слова» (М., «Никитинские субботники», 1928) примечательны в этом смысле два рассказа — «Просвещение» и «Механика».

«Я не против просвещения. Совсем нет. Я понимаю, что при текущем моменте все это очень даже необходимо. Ну, физкультура, скажем, радио там, политграмота что ли... Я всем этим кампаниям вполне сочувствую. Нельзя без этого.

Только одно скажу: и тут осторожность требуется. Правильный подход нужен. Нельзя же так на свежего человека навалиться сразу всей культурой:

— На, мол, жри. Просвещайся.

А может быть, мы до этой культуры не дошли? Может быть, состояние экономики этой культуре не соответствует? Разве ж не может так быть?»

«Механика — великое дело, и мы понимаем, что где-нибудь там, за границей, в Америке, что ли, этаким миллиардер Ундервуд без механического ножа за стол не садится. А еще там какого-нибудь сверхмиллиардера Ремингтона сам президент на парадном приеме в электрическое кресло усаживает... На то у них и Америка.

А мы, слава богу, не в Америке живем. Мы до электрических стульев не додумались — на простых сидим. У нас даже какой-нибудь телефонишка, и тот за культуру ходит. Некоторые им даже пользоваться обегают: то занято, то барышня спит, то выразиться как следует нельзя. Для нас и такая культура не подходит. Климат, что ли, другой? Не знаю».

В 30-е годы он печатается все меньше и меньше.

В 1940 году, накануне ареста и гибели, Козырев пишет большой роман, уже самым названием запечатлев окончатель-

ный отказ от попыток независимого творчества, — «Рост».

Излагалась уже отлившаяся в пропагандистские формы схема российской истории. «Семнадцатый год всколыхнул деревню, но мало что из нее вырвал. Исчез помещик — но помещик в нечерноземных губерниях чужой человек, от хозяйства оторванный. Потрепали тогда кулаков — но они, оглядевшись, нашли, что при новых порядках можно взяться за старое. Мало чем изменился быт основной деревенской массы: получив давно ожидаемую прирезку, многие, подобно Назару, решили, что тут и кончилась революция, и только отмахивались от требований власти ответить на эту прирезку (резким) подъемом хозяйства.

— Прокормимся — и слава богу, — рассуждали они...» Рукопись романа датирована 6 октября — 3 декабря 1940 года. В следующем году Козырев был арестован и вскоре погиб

* * *

Имя Михаила Козырева — яркого литератора, заметного и плодотворного в 20-е годы, уже в 30-х практически исчезло из обихода литературной жизни, а после ареста и гибели в 1941 году (с немедленным изъятием из библиотек его сочинений) было настолько прочно забыто, что в девяти томах «Краткой литературной энциклопедии» оно не упомянуто ни разу (если, конечно, верить именному указателю). В вышедшем в 1981 году справочнике Н. Мацуева «Русские советские писатели» Козыреву вовсе не поставлена дата смерти — читатель имел полную возможность предположить, что он еще жив.

На сегодняшний день нам доступны два документальных свидетельства его гибели. Каждое из них достаточно красноречиво. Первое свидетельство — карточка специального образца, на которой уже заранее типографским способом (после соответствующих граф: фамилия, дата рождения, лит. псевдоним, жанр) напечатано: «дата посмертного восстановления в СП СССР». Таких карточек в Отделе творческих кадров Союза писателей несколько сот в специальной картотеке. Итак, в этой картотеке зафиксировано, что Козырев восстановлен в Союз 10 июня 1963 года (заметим, что сравнительно поздно — в подавляющем большинстве случаев это происходило в 1955—1958 годы).

Второе свидетельство — хранящиеся в ЦГАЛИ (ф. 1072, оп. 3, ед. 66) письма вдовы писателя — поэтессы Ады Владимировой (О. Ивойловой) к Вере Инбер. В письме 1963 года описана та же процедура «посмертного восстановления»: «...Теперь о помощи Литфонда: получила постановление секретариата Союза писателей СССР. Восстановили посмертно в правах члена Союза писателей СССР с 1934 года Козырева Мих. Як. И поручение выплатить вдове писателя Козырева М. Я. Ивойловой О. В. двухмесячную зарплату Козырева исходя из устано-

вленного среднemesячного лимита 300 р. в месяц. Это я получила от Литфонда <...>. Как сказал уважаемый Арий Давыдович, придя ко мне на дом с извещением об этой помощи, — «муж помог мне с того света». (Владимилова все годы до самой смерти — в доме престарелых в 1985-м — жила в крайней нужде.)

В другом письме к Инбер Владимировна называет и год ареста — 1941.

Примечание К. ПОЛИВАНОВА.
